

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК МАРКЕРЫ ИРОНИИ

В работе рассматривается употребление дискурсивных слов русского языка в функции маркеров иронии. Такой возможностью обладают дискурсивные слова, передающие значение адмиративности («оказывается», «надо же / ну надо же») и эпистемической оценки («видимо», «пожалуй», «наверное»). Традиционно эти языковые единицы описываются как слова, вводящие в текст новую информацию. Однако их использование не ограничивается *bona fide* модусом. При переходе в *non-bona fide* модус эти дискурсивные маркеры становятся сигналами иронии.

Ироническое значение реализуется в двух типах ситуаций: первый тип связан с выражением семантического компонента адмиративности и представлен случаями, когда говорящий через притворное удивление показывает, что новая информация не совмещается с уже имеющимся знанием, поскольку не является истинной. Второй тип – это контексты, в которых говорящие оценивают правдоподобность (то есть, выражают эпистемическую оценку) ситуации. Цель данного исследования – показать, какие семантические свойства этих дискурсивных слов позволяют носителям русского языка использовать их в качестве маркеров иронии.

В первой части статьи кратко описываются необходимые прагматические условия для возникновения иронии: нарушение смысловой целостности высказывания, наличие в высказывании оценочного компонента и *non-bona fide* поведение говорящего. Во второй части обсуждаются функции дискурсивных слов, их способность выражать отношение говорящего к сообщаемой информации с точки зрения её соотношения с уже имеющейся у говорящего системой знаний (значение адмиративности) и с точки зрения её правдоподобности. В третьей, основной части статьи рассматриваются случаи иронического употребления дискурсивных слов *оказывается, надо же / ну надо же, похоже, видимо и наверное*.

Ключевые слова: вербальная ирония, дискурсивное слово, эпистемическая оценка, адмиративность, некогерентность, *non-bona fide* модус коммуникации

KSENIA M. SHILIKHINA (VORONEZH, RUSSIAN FEDERATION). DISCOURSE WORDS AS MARKERS OF IRONY. The primary aim of the paper is to explore Russian discourse markers “okazyvaetsya” (it turns out), “nado zhe / nu nado zhe” (gee!), “pokhozhe” (it looks like), “vidimo” (apparently), and “naverno” (perhaps) as signals of irony. Conventionally, these words are described as parentheses that introduce new information into discourse. However, when used in the non-bona fide mode, they convey additional pragmatic meaning, e. g. irony.

Irony is likely to emerge in two types of context: when a discourse word marks feigned surprise of a speaker or when the speaker estimates plausibility of an event. Normally, discourse words that are used in the first type of context function as lexical markers of admirativity. They mark the speaker’s emotion of surprise, as the new information cannot be easily integrated into the speaker’s system of knowledge. The bona fide usage of discourse markers that explicate the belief of the speaker in the likelihood of an event is a conventional way of expressing epistemic evaluation in Russian. However, in the non-bona fide mode of discourse, a feigned surprise or presenting an unlikely situation as possible leads to the Maxim of Quality flouting. As a consequence, the utterance, superficially uncooperative and irrational, can be interpreted as irony.

The paper is divided into three sections. The first section describes three pragmatic conditions necessary for the emergence of irony, namely, semantic and pragmatic incoherence, implicit deontic evaluation of the situation, and non-bona fide behavior of the speaker. In the second section Russian discourse words are described as lexical signals of admirativity and epistemic evaluation. The third section addresses the issue of ironic use of discourse markers. Examples illustrate how non-bona fide admirativity or insincere epistemic evaluation can contribute to the ironic interpretation of an utterance the specific theistic associations and representations which are weakened or do not exist at all in the common national speech.

Keywords: verbal irony, discourse marker, epistemic evaluation, admirativity, incoherence, non-bona fide mode of communication

1. Прагматические компоненты иронии

Вербальная ирония – один из культурно значимых и традиционно дискуссионных типов *non-bona fide* коммуникации – является семантически и прагматически сложным способом общения.

Сложность интерпретации иронии (по сравнению с *bona fide* высказыванием / текстом) определяется, во-первых, расхождением между буквальным значением сказанного и значением говорящего, и, во-вторых, несоответствием между пропозицией высказывания и реальной ситуацией.

Иронию нельзя считать готовым языковым инструментом. Она возникает в высказывании благодаря взаимодействию трёх основных прагматических компонентов:

- относительной семантической и/или прагматической некогерентности между отдельными элементами высказывания или между высказыванием и описываемой ситуацией. Некогерентность – это результат восприятия ситуации как отклоняющейся от ожидаемого хода событий, нормы или стереотипного представления о том, «как должно быть». Такие отклонения должны быть маркированы лингвистически: «способов описания отклонений от нормы значительно больше, чем указаний на неё, что естественно, так как нормальное положение вещей часто не требует специальных обозначений, в то время как отклонение от нормы отмечается всегда» (Вольф 1987: 180). Одним из способов маркирования является намеренное нарушение целостности информационного потока (то есть, относительная некогерентность), и это причина того, что большинство иронических высказываний внешне противоречат грайсовскому Принципу Кооперации;

- наличие в высказывании имплицитно выраженной оценки по шкале «данное – должное»;

- *non-bona fide* поведению говорящего, которое проявляется через элементы игры, притворства. Такое поведение позволяет говорящему выражать некоторую точку зрения, одновременно дистанцируясь от нее (более подробно о компонентах иронического дискурса см. Кашкин, Шилихина 2013).

Сочетание этих прагматических условий позволяет адресату обнаружить расхождение между буквальным смыслом сказанного и имплицитным смыслом говорящего; кроме того, последний из перечисленных компонентов – *non-bona fide* поведение говорящего – делает возможной именно ироническую (в отличие, например, от образной, художественной) интерпретацию сказанного. Проиллюстрируем на примере, каким образом реализуются указанные прагматические компоненты в ироническом высказывании:

[1] Как пояснила в интервью «ИЗВЕСТИЯМ» член комитета Госдумы по образованию Алена Аршинова, причиной появления этого законопроекта стал дефицит призывников в армию. Собственно, кто бы сомневался, но вот её взгляд на Природу Вещей: «Сейчас многие молодые люди, чтобы не служить в армии, идут в аспирантуру, – сказала Аршинова. – Наличие такого закона позволило простимулировало бы их пойти служить в армию, чтобы в дальнейшем получить второе высшее бесплатное образование». То есть а) **в аспирантуру, оказывается, идут, чтобы не идти в армию** и б) вместо аспирантуры гораздо приятнее бесплатно получить еще одно высшее. (О. Епиходов. «5 раз внезапно, в понедельник». <http://polit.ru/article/2013/06/17/0e170b13/>)

Приведенный фрагмент статьи, посвященной проекту нового закона, реализует все три свойства иронического дискурса: позиция *в аспирантуру идут, чтобы не идти в армию* противоречит существующему в обществе представлению о целях поступления в аспирантуру. Буквальная *bona fide* интерпретация сказанного делает комментарий внешне «некооперативным», поскольку говорящий делает ложное утверждение и тем самым нарушает Максиму Качества. Это нарушение и есть источник некогерентности: новая информация, в том виде, в котором она представлена говорящим, не может быть успешно интегрирована в уже имеющееся знание. Рациональным объяснением некогерентности становится наличие имплицитного смысла говорящего: расхождение между импликацией и буквальным смыслом сказанного – это способ выразить негативную оценку точки зрения, выраженную депутатом Госдумы. Наконец, сигналом притворного удивления автора текста является дискурсивное слово *оказывается*: с одной стороны, говорящий повторяет позицию чиновника, с другой – дистанцируется от неё. Важно, что ироническая интерпретация – это результат взаимодействия некогерентности, притворства и скрытой негативной оценки; при отсутствии одного из условий ирония становится невозможной.

Очевидно, семантическая сложность иронии требует специального лингвистического оформления высказывания. В многочисленных исследованиях, посвященных иронии, ведутся дискуссии, обязателен ли языковой сигнал, задача которого – «запустить» поиск скрытого смысла. Препятствием к выделению маркеров иронии является многообразие форм её проявления в дис-

курсе. Тем не менее, задача выявления лингвистических сигналов иронии в высказывании / тексте представляется не менее важной, чем описание прагматических характеристик иронического дискурса и когнитивных процессов, позволяющих участникам общения создавать и восстанавливать скрытые смыслы: именно эти маркеры «запускают» ироническую интерпретацию, побуждая адресата к поиску скрытого смысла.

В данной работе в функции маркеров иронической интенции рассматриваются дискурсивные слова, выражающие удивление говорящего (*оказывается, надо же*) или оценку достоверности информации (*похоже, видимо, наверное*). Цель исследования – выяснить, какие семантические и прагматические свойства позволяют этой группе дискурсивных слов выступать в роли маркеров иронии. В качестве материала исследования используются контексты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), а также фрагменты нехудожественных текстов, вошедших в размеченный корпус общим объемом около 2 млн. словоупотреблений.

2. Дискурсивные слова как способы выражения эпистемической оценки и адмиративности

Дискурсивные слова (также называемые дискурсивными единицами, дискурсивными маркерами, дискурсивными частицами) – единицы языка, на которые до недавнего времени лингвисты практически не обращали внимания. Тем не менее, эти «маленькие слова» (Ajmer & Simon-Vandenberg 2011) оказываются важными элементами коммуникации: они необходимы и говорящему, и слушающему для структурирования дискурса. Дискурсивные слова относятся к так называемым эгоцентрическим элементам языка (Падучева 1996; Падучева 2013). Это означает, что функциональный потенциал дискурсивных слов тесно связан с внутренним миром говорящего: они могут указывать на то, каким образом говорящий «увязывает» сказанное с реальной ситуацией, на отношение говорящего к излагаемой информации или к источнику, из которого эта информация получена; кроме того, они показывают, насколько ожидаемой / неожиданной для говорящего является сообщаемая информация.

Дискурсивные слова сложным образом соотносятся с традиционно выделяемыми частями речи. Именно поэтому их статус до

сих пор остается не до конца определённым, а исследователи предпочитают говорить об открытой группе языковых единиц (Tomola 2008). От прочих элементов высказывания дискурсивные слова отличаются двумя свойствами: во-первых, они являются синтаксически независимыми элементами высказывания, во-вторых, они не являются частью его пропозиционального содержания. Эти свойства определяют требования к лингвистическому анализу дискурсивных слов: описание их семантики и прагматических свойств возможно только относительно того контекста, в котором они функционируют.

Различные дискурсивные слова русского языка получили детальное описание в работах (Дискурсивные слова 1998; Дискурсивные слова 2003; Кобозева, Латышева 2008; Борисова 2012; Падучева 2013). Из рассматриваемых в данной работе маркеров подробно анализу подвергались дискурсивные слова *оказывается* (Падучева 2013) и *по-видимому* (Дискурсивные слова 2001). В большинстве упомянутых работ функционирование дискурсивных маркеров исследуется только в *bona fide* модусе коммуникации. Связь же дискурсивных слов (в частности, маркера *оказывается*) с возможностью выражения иронии стала предметом обсуждения только в докладе (Падучева 2013). В данной работе мы предлагаем несколько иной подход: дискурсивные слова *оказывается*, *надо же*, *по-видимому*, *похоже* и *наверное* рассматриваются не только как лексические средства выражения эпистемической оценки и значения адмиративности, но и как показатели перехода в *non-bona fide* модус коммуникации и, в более узком смысле, как маркеры иронии говорящего. Как будет показано ниже, употребление этих дискурсивных слов связано с выполнением третьего условия возникновения иронии: притворством говорящего. Обращение к дискурсивному слову *оказывается* как маркеру иронии объясняется желанием выяснить, какие семантические и прагматические свойства этого маркера с одной стороны, и иронии как типа *non-bona fide* поведения с другой позволяют носителям русского языка использовать это вводное слово в качестве маркера иронии.

В соответствии с выполняемыми функциями дискурсивные слова *наверное*, *надо же* / *ну надо же*, *видимо*, *похоже*, *оказывается* распадаются на две группы. Одна из наиболее важных функций, реализуемой группой дискурсивных слов *наверное*, *видимо*, *похоже* – выражение эпистемической оценки. «Эпистемическая

оценка имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» (Плунгян 2011: 426). Во многих языках мира значение эпистемической оценки является грамматикализованным; в русском языке это значение передается различными лексическими средствами, например, дискурсивными словами. Используя дискурсивные слова со значением эпистемической оценки, говорящий не просто сообщает о некотором факте, но выражает собственное отношение к этому факту (становясь, таким образом, одновременно и субъектом рефлексии):

- [2] *Видимо, плата за обучение в областных центрах не столь велика (по сравнению с Москвой, например), и даже не очень обеспеченные семьи могут себе это позволить. [НКРЯ]*
- [3] *Похоже, что это уголовное дело правоохранительные органы навсегда положили под сукно. [НКРЯ]*
- [4] *В принципе, это всё условности, я вполне в состоянии сама открыть машину и сесть, но при этом мне же гораздо приятнее, если мой спутник мне поможет. И ему, **наверное**, тоже. [НКРЯ]*

Функция дискурсивных слов *оказывается и надо же / ну надо же* также связана с рефлексией говорящего относительно сообщаемого факта, однако в данном случае говорящий указывает не на степень правдоподобности / вероятности события, а на то, каким образом новый факт интегрируется в уже имеющуюся систему знаний. Более точно, высказывание выражает удивление, поскольку новая информация не согласуется с ожиданиями говорящего. Таким образом, дискурсивное слово вносит в высказывание семантический компонент адмиративности; эти сигнал того, что «... информация об описываемой ситуации является новой для говорящего и что она не интегрирована в его картину мира» (Майсак, Татевосов, 2000: 70). Следующая группа примеров иллюстрирует «каноническое» *bona fide* употребление дискурсивных слов *оказывается и надо же / ну надо же*. Пример [6] эксплицирует эмоцию удивления, которую испытывает говорящий в результате получения новой информации:

- [5] *Телевизор, **оказывается**, интересно бывает посмотреть. Вчера я наблюдала Олега Тинькова (Тинькофф) в «ШКОЛЕ ЗЛОСЛОВИЯ»: рассуждал он негладко, иногда слишком радикально, но тётток этих двух очаровал. [НКРЯ]*

- [6] Обратившись к неумолимой статистике, мы с удивлением узнаём, что, **оказывается**, множество браков распадаются именно спустя год-два после рождения малыша. [НКРЯ]
- [7] А кто-нибудь ещё скажет, из тех, кто с тобой вместе смотрит эту запись: «О, смотри-ка, смотри-ка, ты хорошо получился! А вот я... Ну **надо же**, какой идиот! А ты классно вышел...» [НКРЯ]
- [8] По окончании репетиции мне надо было идти в школу за старшими дочерьми, и Майя вызвалась пойти со мной. — Майечка, вы устали. — Нет, а что мне делать, я в Париже одна, знаю весь Париж, но куда не хожу, потому что не говорю по-французски. И я иду с ней в школу и думаю: «**Надо же**, Майя Плисецкая идёт со мной забирать детей из школы». [НКРЯ]

Эпистемическая оценка ситуации и семантический показатель адмиративности объединяет не только возможность выражения субъективного отношения к сообщаемой информации, но и то, что эти значения могут быть реализованы как в *bona fide* дискурсе, так и в *non-bona fide* модусе. Иными словами, удивление может быть притворным, так же как и оценка правдоподобности излагаемой информации. Очевидно, возможность выражения иронического отношения тесно связана со значениями эпистемической оценки и адмиративности. То, как именно реализуется эта связь, обсуждается в следующем разделе.

3. Дискурсивные слова в функции маркеров иронии

Исследователи отмечают, что в тех языках, где существуют грамматические категории эвиденциальности, эпистемической оценки и адмиратива, показатели этих категорий могут использоваться и для выражения иронии (Влодавская 2000). Однако, фиксируя такое употребление, лингвисты не предлагают объяснений, какие именно свойства позволяют использовать грамматические показатели, передающие одно из этих трёх значений, в качестве сигналов иронии.

Дальнейшее обсуждение иронического употребления дискурсивных слов *оказывается*, *надо же* / *ну надо же*, *видимо*, *наверное* направлено на объяснение того, каким образом эти единицы высказывания способствуют возникновению необходимых прагматических условий для иронической интерпретации высказывания.

3.1. Ироническое «оказывается»

Оказывается можно считать одним из наиболее детально описанных дискурсивных слов русского языка. Подробный анализ различных контекстов, в которых *оказывается* функционирует как вводное слово, проводится в работе (Храковский 2007). Как было упомянуто выше, в «каноническом» вводном употреблении *оказывается* сигнализирует неожиданное изменение в системе знаний говорящего (Храковский 2007, Падучева 2013), то есть, выражает семантический признак адмиративности, который может усиливаться, если говорящий эксплицирует собственное удивление:

[9] *Но вот, как это ни удивительно, оказывается, что точно проверен этот закон лишь для больших расстояний, а как ведёт себя всемирное тяготение в областях меньше миллиметра сегодня не знает никто. [НКРЯ]*

В статье В.С. Храковского обсуждается только *bona fide* употребление этого дискурсивного слова. Е. В. Падучева обратила внимание на возможность иронического употребления *оказывается*: эта возможность реализуется в тех случаях, когда новая информация, полученная из внешнего источника, не принимается говорящим как истинная (Падучева 2013). Такую трактовку хорошо иллюстрирует следующий пример:

[10] *Только что случайно включил телевизор – ТВЦ. И оторваться не мог – мы наконец-то разоблачили Пикассо! Режиссер с мировым именем Хотиненко и великий художник Никас Сафронов в сопровождении диктора с интонациями в лучших традициях НТВ объяснили нам, что Пикассо – жулик и бездарность. Нет, конечно, в самом начале что-то у него получалось – «ДЕВОЧКА НА ШАРЕ», например, а потом еще случайно – «ГЕРНИКА». А потом – как обычно: погнался за бабками, и надо же – одурачил весь мир! Он, оказывается, был жуткий циник – уродовал в своих изображениях человеческие тела! [А. Макаревич. «Мне не померещилось?» <http://www.snob.ru/profile/5134/print/55076>]*

Дискурсивное слово маркирует притворную неожиданность информации: говорящий выражает «как бы» удивление, поскольку не считает полученную информацию истинной и она не интегрируется в уже имеющееся у автора текста знание о художнике. Сообщая то, что не считает истинным, говорящий отступает

от требований Максимы Качества, и это отступление является сигналом перехода в *non-bona fide* модус и позволяет интерпретировать сказанное как иронию.

Представляется, что ироническое употребление *оказывается* не ограничивается случаями, когда удивление вызвано информацией, полученной из внешних источников, как в примере [11]. В целом ряде контекстов новая информация получена говорящим не извне, а в результате логического вывода, то есть, является «продуктом» собственных размышлений. Если говорящий переходит в *non-bona fide* модус и притворно представляет новую информацию, полученную путем инференции, как неожиданную, то такая оценка сама по себе порождает некоторое логическое противоречие («я это понял сам, но то, что я понял, для меня неожиданно и это меня удивляет»):

[12] *Кто-нибудь запомнил фамилию героя-трудяги из Магнитогорска, задавший Путину вопрос про ношение хиджабов в школах? Оказывается, у нас проблем в городе-то и нет, кроме этой.*
[pagerok.livejournal.com]

В приведённом контексте комментарий «*Оказывается, у нас проблем в городе-то и нет, кроме этой*» не является информацией, полученной извне; это вывод, к которому говорящий пришёл самостоятельно, в результате сопоставления имеющегося у него знания о ситуации и содержания прозвучавшего на пресс-конференции вопроса. Очевидно притворное удивление говорящего: он не считает полученную информацию истинной. Необходимость имплицитного выражения критической оценки заставляет говорящего нарушать Максиму Качества и переходить в *non-bona fide* модус.

Переход в *non-bona fide* модус при обсуждении серьезных проблем – это своего рода защитный механизм, который позволяет говорящему одновременно осмысливать противоречия реальной ситуации и «сохранять лицо» (в том смысле, в котором «лицо» понимается в теории Левинсона и Браун).

В следующем примере с помощью дискурсивного маркера *оказывается* говорящий также обращает внимание адресата на результат логического обобщения полученной извне информации. Как и в предыдущих примерах, дискурсивное слово *оказывается*

выражает притворное удивление автора и является одним из сигналов иронии:

[13] *Собянин интервью предвыборное дал, он **оказывается**, герой.*
[<http://forum.auto.ru/noosphere/118214/>]

Такая реакция является ответом на следующее высказывание политика: *«Напомню, что мы за два года совершили почти революцию в Москве: убрано 30 рынков – и это были немаленькие рынки. После этих мероприятий мне по-хорошему надо в бронежилете спать, потому что наличный оборот одного рынка составляет несколько сотен миллионов – и не рублей, а долларов».*

Основным сигналом иронии в примере [13] является номинация *герой*: хорошо известно, что положительно окрашенная лексика при необходимости легко «меняет знак» оценки. В результате возникает прагматическая многозначность, когда высказывание может быть интерпретировано как по правилам *bona fide* модуса, так и иронически. В приведенном контексте роль дискурсивного слова сводится к снятию прагматической многозначности: выражая притворное удивление, говорящий дает понять, что номинацию *герой* следует интерпретировать как иронию.

3.2. Ироническое «надо же / ну надо же»

Как и дискурсивное слово *оказывается*, *надо же / ну надо же* в высказывании выполняет роль показателя удивления. *Надо же / ну надо же* маркирует не столько новизну, сколько неожиданность информации для говорящего; в отличие от *оказывается*, это дискурсивное слово является реакцией на странное, необычное или уникальное положение вещей. Очевидно, такая реакция может быть притворной: в результате логически вытекающее из предшествующих, ожидаемое событие представляется как неожиданное и уникальное. Прагматическим эффектом такого притворства является ирония говорящего:

[14] *Особенно эффектной будет демонстрация суду обратной связи: «ваши» кредитор показывает свои письма в эти уважаемые организации с просьбой посоветовать кого-нибудь из арбитражных управляющих, и ответы оттуда с рекомендацией – **ну надо же, какое совпадение!** – одной и той же кандидатуры. Не удивлюсь, если скоро последним писком моды среди кандидатов в управляющие станет добровольное предоставление ими*

*гарантий возмещения возможного ущерба от своей деятельности.
[НКРЯ]*

Механизм возникновения иронии в данном контексте аналогичен тому, который был описан в примере [13]: *ну надо же* используется для снятия прагматической многозначности, чтобы показать, что событие, названное совпадением, таковым не является.

Vona fide употребление *надо же / ну надо же* отличается от иронического тем, что говорящий оценивает некоторое событие как действительно уникальное и неожиданное, но при этом высказывание соответствует реальному положению дел, то есть, является истинным. В качестве примера рассмотрим следующий контекст:

[15] В какой момент мы стали придумывать сюжет для тех двоих – для пары с нашего катера? Когда встретили их в галерее Академии? Да нет, в ту минуту мы лишь переглянулись – надо же, какие бывают невероятные совпадения: в третий раз столкнуться в городе – допустим, это маленькая Венеция, допустим даже – карнавал, то есть бесконечное кружение по одним и тем же улицам, неизбежные пересечения в густом вареве многолюдья... [НКРЯ]

Уникальность ситуации подтверждается дальнейшими рассуждениями: попытки найти рациональное объяснение многократным совпадениям кажутся говорящему не вполне убедительными, однако личное участие в ситуации является доказательством того, что сказанное – истина.

Подведем промежуточный итог: дискурсивные слова, в семантике которых есть компонент адмиративности, могут употребляться для выражения иронии в том случае, если говорящий «надевает маску» притворного удивления и представляет некоторую ситуацию или информацию как уникальную или неожиданную. Такое речевое поведение является отступлением от Принципа Кооперации, поскольку нарушает Максиму Качества: дискурсивное слово вводит информацию, которую сам говорящий по какой-либо причине считает ложной, не имеющей коррелята в реальном мире.

3.3. Ироническое «пожалуй»

Дискурсивное слово *пожалуй* относится к группе маркеров, выражающих эпистемическую оценку факта или события. Его ироническое употребление становится возможным в том случае, если говорящий представляет нереальную ситуацию как вполне возможную:

[16] Член комитета Госдумы по обороне В. Водолацкий считает, что после принятия этого закона в армию придет служить «свыше 100 тыс. молодых людей». – «Сейчас 263 тыс. человек – это уклонисты, – говорит Водолацкий. – Я считаю, что после принятия данного закона примерно половина из них одумается, так как перед ними появится перспектива получения второго высшего образования». **В свете предъявленного контекста следует, пожалуй, что «уклонисты» – лица, злостно поступившие в аспирантуру.** [О. Епиходов. «5 раз внезапно, в понедельник». <http://polit.ru/article/2013/06/17/0e170613/>]

В данном контексте *пожалуй* – это сигнал субъективной оценки правдоподобности вводимой информации: с одной стороны, эта информация не соответствует имеющемуся у говорящего знанию о том, «как должно быть». С другой стороны, несмотря на «странность», эта информация притворно представляется как правдоподобная (на «странность» вывода указывает нетривиальная коллокация *злостно поступившие в аспирантуру*). Для адресата это сигнал того, что высказывание не имеет коррелята в реальном мире, следовательно, сказанное должно быть интерпретировано по правилам *non-bona fide* дискурса. Наличие всех трех прагматических компонентов – семантической некогерентности, негативной оценки и притворства говорящего – позволяют интерпретировать сказанное как иронию.

3.4. Ироническое «видимо»

Дискурсивному слову *видимо* посвящена отдельная глава в работе (Дискурсивные слова 2003). Его основное свойство – внеположность субъекта восприятия тому положению вещей, о котором идет речь. На это свойство дискурсивных слов с корнем *-вид-* указывают в своем исследовании К. Киселёва и Д. Пайар: «ДС *видимо*, *по-видимому*, *видно* говорят не о положении вещей как таковом, а о том, как S воспринимает это положение вещей... (Дис-

курсивные слова 2003: 55). *Non-bona fide* использование дискурсивного слова *видимо* в этом смысле не отличается от *bona fide* употребления: оно вводит в высказывание субъективную интерпретацию ситуации, о которой говорилось ранее, при этом сама ситуация остается недоступной для личного участия говорящего:

[17] Самолет должен был вылететь в 10.00, ближе к 12.00 всех попросили выйти в здание аэропорта. Борт, широко известный в узких кругах как лавровский, было решено заменить. **Видимо**, у главы МИДа ломаются не только руки (накануне Сергей Лавров упал в Стамбуле, немного скомкав визит Владимира Путина). По некоторым данным, жидкостью против обледенения залили генератор [Текст 0144].

Видимо вводит в текст комментарий, который не является необходимым с точки зрения информационной насыщенности текста. Внутри абзаца происходит смена повествователя с диегетического, то есть, такого, который является непосредственным участником ситуации, на повествователя экзегетического, который комментирует ситуацию извне (Падучева 1996). Сигналом смены повествователя является дискурсивное слово *видимо* – с его появлением в тексте «проявляется» субъективная точка зрения рассказчика. Роль экзегетического повествователя – сообщать читателям о том, что описываемая ситуация не соответствует нормальному положению вещей. Предлагая объяснение расхождению между ожидаемой и реальной ситуацией, рассказчик выражает имплицитную негативную оценку реального положения вещей. Таким образом, сочетание трёх прагматических условий – несоответствия реальной ситуации норме, имплицитной негативной оценки и игрового поведения (оно выражается в смене повествователя) – делает возможной ироническую интерпретацию сказанного.

В примере [18] дискурсивное слово *видимо* необходимо говорящему не для введения в повествование комментария, а для выдвижения гипотезы, с помощью которой можно объяснить положение дел:

[18] Похоже еще чуть-чуть золотого нефте-газового времени и мы выполним главный наказ Хрущева - догнать и перегнать Америку. Не по уровню жизни конечно, но по количеству миллиардеров. Это для Запада кризис беда, а для нас мать родная... Невзирая на эти самые кризисы число счастливых обладателей этой цифры

выросло еще на 30 человек. Темпы просто удивительные! **Видимо** непосильным трудом, из поколения в поколение, копейку к копейке, зарабатывались эти состояния.

Откуда деньги Зин? А все оттуда – из нефтяных и газовых труб, по которым качаются ресурсы, между прочим по конституции принадлежащие народу. Почти все «обитатели» рейтинга так или иначе связаны с добычей или первичной обработкой сырья – пишет журнал CEO. [«Мы хотим всем рекордам наши громкие дать имена! Часть 2». <http://otdel-63.livejournal.com/114345.html>]

Вводимое дискурсивным словом *видимо* высказывание должно служить объяснением факта, представленного ранее. Однако, предлагая такое объяснение, говорящий очевидным образом притворяется: предложенное объяснение не согласуется с имеющимся знанием о происхождении богатства. На это указывает и дальнейшее развитие повествования: автор возвращается в *bona fide* модус и раскрывает настоящий источник доходов миллиардеров.

Видимо может также вводить предположение о том, как будет развиваться некоторая ситуация в будущем. Если вероятность наступления события близка к нулевой (например, если предположение очевидным образом абсурдно, то есть, некогерентно имеющемуся у адресата представлению о нормальном ходе событий), но при этом говорящий представляет его в качестве возможного варианта, высказывание нарушает Максиму Качества. Рационально объяснить такое поведение можно только иронией говорящего:

*[19] Да, сказано, что водители, нарушившие запрет, будут наказываться согласно статье 20.2 КоАП РФ, то есть до 300 тыс. руб. Тут же и вопрос, кто же будет отличать политическое от неполитического по ходу дорожного движения? **Видимо**, ГАИ, и это будет удивительное сочетание дорожного и политического. [Е. Боратов. Природа возьмет свое у Мосгордумы. <http://www.polit.ru/article/2012/12/27/eb271212/>]*

Различия между ироническим употреблением дискурсивного слова *видимо* и неироническим использованием других дискурсивных слов с тем же корнем хорошо видны на примере того, как функционирует слово *видите ли*. Традиционно появление в высказывании вводной конструкции *видите ли* объясняется желанием говорящего привлечь особое внимание адресата к сказан-

ному (см., например, более чем краткую характеристику для *видите ли* в Правила русской орфографии и пунктуации 2007). Акцентируя внимание адресата на сообщаемой информации, говорящий стремится вовлечь собеседника в эмоциональную или рациональную оценку ситуации (Дискурсивные слова 2003), причем эта оценка, как правило, негативная:

[20] *А ему, трактористу, **видите ли**, лень было из кабины вылезать, лень было ворота отпирать.* [НКРЯ]

Важным компонентом значения *видите ли* является указание на то, что реальная ситуация не соответствует ожиданиям говорящего:

[21] *Ждешь его, надеешься на него, планы строишь – а он, **видите ли**, уже проходит... этот отпуск...* [<http://www.inpearls.ru/comments/533693>]

[22] *Суп ему, **видите ли**, не нравится, всю неделю нравился, а сегодня не нравится!!!* [www.inpearls.ru/comments/362552]

Еще одно отличие двух дискурсивных слов заключается в следующем: если *видимо* указывает на то, что возможна и некоторая альтернативная ситуация, то *видите ли* такой информации не несёт. Поэтому иронические употребления *видите ли* невозможны. Скорее, можно говорить о том, что это дискурсивное слово вводит саркастические комментарии:

[22] *Я тоже считаю, что парады – это забава для нашего федерального начальства, которое, по-видимому, в детстве в солдатиков не наигралось. Ни в одном нормальном государстве праздники парадом не отмечают, в лучшем случае демонстрации трудящихся, людей, граждан. А у нас парад, **видите ли**... Надо, чтобы техника ходила, чтобы солдатики шаг выделявали. Это издевательство и над теми, кто в параде участвует, их мучают репетициями, ненужными совершенно, и граждан мучают пробками.* [<http://wwwpravda.ru/politics/parties/other/26-04-2013/1153996-parad-0/>]

Основное отличие сарказма от иронии заключается в том, что пропозиция саркастического высказывания отсылает к ситуации, которая имеет место в реальном мире. И, хотя по ряду свойств сарказм близок иронии и относится к *non-bona fide* модусу коммуникации, он далёк от прототипического несерьезного общения. Это тот вариант *non-bona fide* коммуникации, который в работе

[Mulkey 1988] назван *applied humor*, то есть, *прикладной юмор*, требующий от адресата не только смеха, но и серьезных выводов.

3.5. Ироническое «наверное»

В *bona fide* употреблении дискурсивного слова *наверное* выделяется три случая употребления: выражение предположения, введение знания или фактов и выражение уверенности (Дискурсивные слова 1998). В данной работе мы остановимся только на первом случае, когда *наверное* является сигналом того, что говорящий сомневается в достоверности излагаемых фактов и не берёт на себя ответственность за «качество» информации. Как показывает анализ текстового материала, именно это употребление может трансформироваться в ироническое:

[23] Чиновники, похоже, относятся к учёным, как к потенциальным мошенникам, за которыми нужен глаз да глаз. В результате крупный учёный занимается не столько наукой, сколько обеспечением своей возможности заниматься наукой; вижу такое на примере выигранного РЭШ мегагранта. Господа чиновники, **наверное**, боятся, что вот именно здесь бюджетные деньги и утекут не в том направлении! [Интервью с С. Анатольевым. http://www.polit.ru/article/2013/08/23/anatolyev_nes/]

В приведенном фрагменте дискурсивное слово *наверное* регулирует логическую связь между ситуацией (вместо занятий наукой ученые вынуждены писать многочисленные отчеты) и породившей эту ситуацию причиной (чиновники опасаются нецелевой траты денег). Вводя причину с помощью дискурсивного слова *наверное*, говорящий выражает сомнение в истинности причины. Ироническая интерпретация высказывания с *наверное* становится возможной, поскольку сомнение в истинности притворное. Перед нами классическая ирония, интерпретируемая путем «замены знака»: под маской сомнения прячется полная уверенность в том, что не только описываемая ситуация, но и её причина имеют место в действительности.

4. Заключение

В русском языке функцию сигнала иронии могут выполнять дискурсивные слова, которые в прагматически нейтральных контекстах выражают эпистемическую оценку или указывают на

удивление говорящего. Использование дискурсивных слов в *non-bona fide* модусе сопровождается нарушением Принципа Кооперации, точнее, Максимы Качества: выражая притворное удивление, говорящий намеренно понижает достоверность информации либо представляет абсурдное объяснение как до некоторой степени вероятное (то есть, намеренно повышает достоверность сказанного). Таким образом, дискурсивные слова в *non-bona fide* модусе обеспечивают одно из обязательных условий возникновения иронии – они являются сигналами игры и притворства.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова, Е. Г. Роль дискурсивных слов в управлении пониманием текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 11 (18). – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – С. 93-102.

Влодавская, Н. В. Ирония и эвиденциальность // Диалог-2000. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/41.htm>

Вольф, Е. М. Оценка и странность как виды модальности // Язык и логическая теория. – М.: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. – С. 178-186.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сборник статей / сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: Азбуковник, 2003. – 205 с.

Кашкин, В. Б. Существует ли «рецепт» иронии? (на материале русского и итальянского языков) / В. Б. Кашкин, К. М. Шилихина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3. – С. 98-106.

Кобозева, И. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка / И. М. Кобозева, Л. М. Захаров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2004. – М.: Наука, 2004.

Кобозева, И. М. Дискурсивные единицы собственно и фактически как операторы коррекции представления адресата / И. М. Кобозева, Н. С. Латышева // Язык средств массовой инфор-

мации как объект междисциплинарного исследования. Материалы II Международной научной конференции 14–16 февраля 2008 г. / Сост. М. Н. Володина. – М: МАКС Пресс, 2008. – С. 183-187.

Козинцева, Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92-104.

Майсак, Т.А. Пространство говорящего в категориях грамматики или Чего нельзя сказать о себе самом / Т.А. Майсак, С. Г. Татевосов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 68-80.

Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Падучева, Е.В. Несобственная прямая речь или ирония? Доклад на конференции «Логическая и лингвистическая прагматика. К столетию Г. П. Грайса». 30 марта 2013 г. – URL: http://phil.hse.ru/form_phil/news/79067903.html

Плунгян, В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Изд-во РГГУ, 2011. – 670 с.

Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / Н. С. Валгина [и др.]; отв. ред. В. В. Лопатин. – М.: Эксмо, 2007. – 478 с.

Храковский, В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 600-632.

Ajmer, K. Pragmatic markers / K. Ajmer, A.-M. Simon-Vandenberg // Discursive Pragmatics / Ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2011. – P. 223-247.

Bateson, G. Steps to an Ecology of Mind. – Chicago: Chicago University Press. 1972

Fraser, B. Pragmatic Markers // Pragmatics. – 1996. – 6 (2). – P. 167-190.

Fraser, B. Towards a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles / Ed. by K. Fischer. – Amsterdam; London; New York: Elsevier, 2006. – P. 189-204.

Mulkey, M. A Sociology of Humor: Its Nature and Its Place in Modern Society. – New York: Polity Press, 1988. – 232 p.

Schiffrin, D. *Discourse Markers*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

REFERENCES

Ajmer, K., & Simon-Vandenberg, A.-M. (2011). Pragmatic markers. In J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren (Eds.), *Discursive Pragmatics* (pp. 223-247). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Bateson, G. (1972). *Steps to an Ecology of Mind*. Chicago: Chicago University Press.

Borisova, E. G. (2012). Rol' diskursivnykh slov v upravlenii ponimaniem teksta [The Role of Discourse Words in Text Understanding Management]. In *Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue". Vol. 11 (18)*. [Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog"], 93-102. Moscow: RGGU.

Fraser, B. (2006). Towards a Theory of Discourse Markers. In K. Fischer (Ed.), *Approaches to Discourse Particles* (pp. 189-204). Amsterdam, London, New York: Elsevier.

Fraser, B. (1996). Pragmatic Markers. *Pragmatics*, 6 (2), 167-190.

Kashkin, V. B., & Shilikhina, K. M. (2013). Sushchestvujet li "retsept" ironii? (na materiale russkogo i italjanskogo jazykov) [Is There a Cooking Guide to Irony? (Evidence from Russian and Italian)]. *Vo-prosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics], 3, 98-106.

Khrakovskij, V. S. (2007). Evidentsial'nost', epistemicheskaja modalnost', (ad)mirativnost' [Evidentiality, Epistemic Modality, (Ad)mirativity]. In *Evidentsial'nost' v jazykakh Evropy i Azii. Sbornik statej pamyati N. A. Kozintsevoj* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia. In Memoriam of N. A. Kozintseva]. Sankt-Peterburg: Nauka.

Kiseleva, K., & Paillard, D. (Eds.). (1998). *Diskursivnyje slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija* [Russian Discourse Words: Contextual Semantic Description]. Moscow: Metatekst.

Kiseleva, K., & Paillard, D. (Eds.). (2003). *Diskursivnyje slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanije i semanticheskoe edinstvo* [Russian Discourse Words: Context Variation and Semantic Unity]. Moscow: Azbukovnik.

Kobozeva, I. M., & Latysheva N. S. (2008). Diskursivnyje edinit'sy "sobstvenno" i "fakticheski" kak operatory korrektsii predstavlenija adresata [Discourse words "sobstvenno" and "fakticheski" as addressee correction operators]. In *Jazyk sredstv massovoj informatsii kak objekt mezhdistsiplinarnogo issledovanija. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 14-16 fevralya 2008* [Language of Mass Media as the Object of Cross-Discipline Research. Proceedings of the 2nd International Conference 14-16 February 2008], 183-187. Moscow: MAKSPress.

Kobozeva, I. M., & Zaharov, L. M. (2004). Dlya chego nuzhen zvuchashchij slovar' diskursivnykh slov russkogo jazyka? [Why do We Need a Voice Dictionary of Russian Discourse Words?]. In *Kompjuter-naja lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog - 2004"* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue-2004"]. Moscow: Nauka.

Kozintseva, N. A. (1994). Kategorija evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Category of Evidentiality (Problems of Typological Analysis)]. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 92-104.

Majsak, T. A., Tatevosov, S. G. (2000). Prostranstvo govoryashchego v kategorijakh grammatiki ili Chego nel'zya skazat' o sebe samom [The Speaker's Space in Grammatical Categories or What One Cannot Say about Himself]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 68-80.

Mulkay, M. A. (1988). *Sociology of Humor: Its Nature and Its Place in Modern Society*. New York: Polity Press.

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskije issledovanija: Semantika vida i vremeni v russkom jazyke. Semantika narrativa* [Semantic Investigations: Semantics of Time and Aspect in Russian. Semantics of the Narrative]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.

Paducheva, E. V. (2013). *Nesobstvennaja pryamaja rech ili ironija? Doklad na konferentsii "Logicheskaja i lingvisticheskaja pragmatika. K stoletiju H. P. Grice'a"*. March 30th, 2013 [Free Indirect Discourse or Irony? Paper presented at the Conference "Logical and Linguistic Pragmatics. H. P. Grice's 100th Anniversary"]. Retrieved from http://phil.hse.ru/form_phil/news/79067903.html

Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenije v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskije znachenija i grammaticheskije sistemy jazykov mira* [The Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moscow: RGGU.

Schiffrin, D. (1988). *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.

Valgina, N. S., & al. (Ed.). (2007). *Pravila russkoj orfografii i punktuatsii: polnyj akademicheskij spravocnik* [Rules of Russian Orthography and Punctuation: Complete Academic Reference Guide]. Moscow: Eksmo.

Vlodavskaja, N. V. (2000). Ironija i evidentsial'nost' [Irony and Evidentiality]. In *Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog"* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue-2000"]. Retrieved from <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/41.htm>

Volf, E. M. (1987). Otsenka i strannost' kak vidy modal'nosti [Evaluation and Strangeness as Modality Types]. In *Jazyk i logicheskaja teorija* [Language and Logical Theory] (pp. 178-186). Moscow: Centr. Sovet filos. (metodol.) seminarov pri Prezidiume AN SSSR.

Ксения Михайловна Шилихина
Воронежский государственный университет
пл. Ленина 10-15, 394006
Российская Федерация
shilikhina@gmail.com

Ksenia M. Shilikhina
Voronezh State University
pl. Lenina 10-15, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 222 41 49